

Заглавие документа:

Уланович, О.И. Переводческое понимание: специфика процесса и результата / О.И. Уланович // Вестник МГЛУ. Серия 2. Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков. – № 2 (26). – 2014. – С. 52 – 60.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Теория и методика преподавания иностранного языка

Дата публикации: 2014

Издатель: Белорусский государственный лингвистический университет

О.И. Уланович

Белорусский государственный университет

**ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ:
СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА И РЕЗУЛЬТАТА**

Статья посвящена лингво-когнитивному анализу процесса и результата понимания оригинала в контексте переводческой деятельности. Переводческое понимание рассматривается автором с позиции когнитивной транслатологии, в контексте диалектики диалогичности, в комплементарном взаимодействии с общекогнитивным явлением понимания речи. Отмеченный ракурс видения позволяет изучить понимание текста оригинала как коммуникативно-самоценный результат интеллектуальных усилий и значимый этап перевода, обладающий уникальными феноменологическими особенностями.

Проблема понимания речи, будучи детально рассмотренной как гносеологическое, вербально-когнитивное, этнокультурное явление и как объект лингводидактических технологий, так и не снискала должного внимания со стороны исследователей перевода и переводческой лингводидактики.

Лингвистическая теория перевода, репрезентирующая доминирующий ракурс интерпретации интеллектуальной деятельности переводчика, позиционирует консерватизм в стремлении свести перевод к двухоперационному действию по обеспечению переводческого соответствия, при котором операция по выбору адекватного переводческого приема (трансформации) через анализ языковых и контекстуальных условий перевода предваряет последующую операцию грамотного применения приема. Подобное видение процесса перевода аргументируется в свое время

указанной Я. И. Рецкером регулярностью соотношения единиц двух языков, что воплощается в наличии в языке перевода закономерных соответствий для значительного массива единиц языка оригинала (эквиваленты, аналоги и адекватные замены [1]). Выявление этих закономерностей видится лингвистической теорией перевода возможным через анализ результата перевода: имеет место сопоставление двух версий текста, оригинала и перевода, для оценки степени близости, качества результата и структурирования корпуса межъязыковых соответствий, знание и умение использовать который и формирует переводческие компетенции и обеспечивает сам процесс перевода.

Утверждение в качестве основного «метода сопоставления переводов с их оригиналами для выявления языковых закономерностей переводческого процесса» [2, с. 20] представляется весьма спорным, поскольку сам факт наличия пусть даже весьма качественного результата вовсе не свидетельствует об оптимальном пути его достижения. При этом нельзя не признать рационализацию действий специалиста с точки зрения эффективного использования интеллектуальных ресурсов и времени в качестве ключевого критерия уровня профессиональной компетенции переводчика. Эффективен отмеченный метод только для оценки собственно качества перевода (по традиционно выделяемым критериям адекватности и эквивалентности), но представляется неинформативным для выявления сущности перевода как интеллектуальной деятельности.

Только уход от авторитарного утверждения Р. Якобсона о примате нахождения перевода «под неусыпным наблюдением языкознания» [3, с. 233], допущение ошибочности рассмотрения перевода как своего рода перетекания смысла из одной языковой оболочки в другую и признание ведущей роли сознания субъекта при переводе позволят выявить закономерности перевода как лингвокогнитивного процесса. Так, рассматривая перевод с позиции когнитивной транслатологии, И. Н. Рехме особо указывает, что «переводческий процесс не является линейной передачей содержания исходного текста посредством механического набора языковых трансформаций, а задействует когнитивные структуры сознания и подсознания, «проводящие анализ и синтез поступающей информации языкового и неязыкового содержания с передачей смысловых трансформаций различного порядка» [4, с. 149].

Результативно значимым этапом этого процесса является понимание текста оригинала. Достижение понимания текста или же частичное или полное непонимание – успешность этапа «осмысления значения» в терминологии В. П. Зинченко – предопределяет адекватность / неадекватность перевода (как результата) и в значительной мере детерминирует уровень его эквивалентности – качественную результативность этапа «означения смысла» [5, с. 274].

Феноменологическое изучение общегносеологического явления понимания речи заключается в представлении этого процесса как: а) перехода

от поверхностной структуры текста к его ядерной репрезентации (Н. Хомский), б) превращения чужого в «свое-чужое» (М. М. Бахтин), в) ответного текстопорождения (С. А. Васильев), г) рефлексивного схемопосроения (Г.И. Богин), д) решения мыслительной задачи (В. В. Знаков), е) определенного рода думанья (А. М. Пятигорский), ж) активного и диалогичного по своей сути процесса «ответа» (Э. Л. Куцова) и т.д. Рассматриваемое через призму процесса перевода и, как следствие, переводческой лингводидактики, понимание речи (текста оригинала) актуализирует несколько иные феноменологические особенности и трансформируется по ряду традиционно выделяемых своих характеристик. Выявление этих уникально своеобразных особенностей переводческого понимания, отчасти даже противоречащих общефеноменологическим характеристикам понимания речи, формирует методический инструментарий оптимизации переводческих лингводидактических технологий и рационализации переводческой деятельности.

Интерпретируемость как категориальная характеристика любого текста (речи) предопределяет всегда в той или иной степени присутствующую *субъективность* понимания. «Понимание как тождество мысли в говорящем – иллюзия», – отмечает А. А. Потебня [6, с. 277]. Субъективность понимания речи провоцируется единичностью места понимающего субъекта в бытии, имеющим место избытком субъективного видения и знания [7, с. 23].

В отличие от понимания речи (в его общепсихологической интерпретации), которое в словесных формулировках М. М. Бахтина подобно эстетическому созерцанию и этическому поступку и не может «отвлечься от конкретной единственности места в бытии, занимаемого субъектом этого действия» [7, с. 30], переводческое понимание требует отвлечения от собственного «я» переводчика и опирается на фокус объективации *вне*, а не *внутри* воспринимающей личности.

Для более детального анализа отмеченной характеристики понимания речи перспективным видится привлечение категориальной дифференциации понятий «понимающая рефлексия» и «рефлексивное понимание», предложенной А. Е. Левинтовым.

Так, *понимающая рефлексия* – это «рефлексия, направленная на понимание»; понимающая рефлексия «не нормирует рефлекслируемый материал, не проспективна и не ретроспективна, она всегда и по принципу актуализирована, как актуализировано и само понимание» [8].

Рефлексивное понимание есть такое обращение понимающего субъекта к содержанию собственного сознания при понимании текста, при котором воспринимаемая информация проникает в иерархичную систему знаний, понятий, смыслов самого субъекта и в итоге, как образно отмечает А. Е. Левинтов, «делает наш понимающий путь туманным из-за обилия роящихся понятий, смыслов, семантических атомов» в силу бесконечных надстроек и многоурвневого отражения. Путь рефлексивного понимания

«усыпан (горькими и сладкими – как случится) плодами проникновения в самого себя» [Там же].

Опираясь на следующее уточнение А. Е. Левинтова, что «понимание ортогонально рефлексии: рефлексия возникает только в непонимании, понимание закрывает собой и останавливает рефлексивность», можно утверждать, что переводческое понимание принципиально *нерефлексивно* (к такому оно, по крайней мере, должно стремиться) и реализуется как *понимающая рефлексия*. В этой его уникальной характеристике переводческое понимание никак не полемизирует сам объект понимания, не реализуется как «ревизия и инвентаризация нашего теоретического и исторического багажа» [Там же]. Оно самоактуализированно, самоценно; опирается на фокус объективации вне понимающего субъекта, на познание, свободно от чрезмерности субъективного видения и знаменует собою эффективный интеллектуальный путь постижения сути.

Рассматриваемое с позиции диалогической методологии, основы которой в свое время были определены М. М. Бахтиным, общепсихологическое явление понимания речи есть *диалог*, который органично «входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [7, с. 318]. Диалектика диалогии как теория развития всего сущего постулирует диалогическую сущность существования всех форм бытия (реальных и идеальных, предметных и категориальных), которые включают также и формы мышления: внутреннюю беседу разума с самим собой. Диалогическую природу сущего М. М. Бахтин дефинировал следующим образом: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь. <...> Каждая мысль и каждая жизнь вливаются в незавершенный диалог. <...> Диалектика – абстрактный продукт диалога» [Там же].

Поскольку «незавершимый диалог» также является «единственно адекватной формой *словесного выражения* подлинной человеческой жизни» [7, с. 318], то понимание речи как один из инструментов словесного выражения человеческой жизни принципиально диалогично. Диалогичность общепсихологической категории понимания речи воплощается и в более глубоком познании (понимании) субъектом некоторого знания в процессе объяснения его другому субъекту (в общении) (как интерпретирует бахтинскую диалогичность понимания К. Эмерсон) [9]; и в роли адресата в качестве *вектора развития сюжета* (как это представлено А.В. Логиновым в его интерпретации диалогического пространства) [10, с. 50], и в *паритетных началах партнеров* при их переменной роли (как это обозначено в структуре идеального диалога Т. Г. Винокур) [11, с. 85]. И, конечно же, суть диалогичности понимания речи проявляется в активной ответной позиции понимающего реципиента по отношению к воспринимаемой информации: согласие, несогласие, возражение как диалогичность понимания трактуется собственно сам М.М. Бахтин: «Всякое понимание чревато ответом и в той

или иной форме обязательно его порождает <...>. Пассивное понимание значений слышимой речи – только абстрактный момент реального целостного активно ответного понимания» [7, с. 246].

Вышеотмеченное вовсе не призывает категорично отвергнуть диалогичность как характеристику *переводческого понимания*. Однако диалогичность понимания оригинала с позиции переводчика ни в коей мере не воплощается в сотворчестве коммуникантов, комплементарной борьбе двух смыслов, латентном активном ответном действии. Понимание при переводе – это вовсе не диалог языковых личностей, поскольку «переводчик – вторичная языковая личность, он не создает смыслы, он их транслирует» [12, с. 72].

Диалогичность переводческого понимания воплощается, по нашему убеждению, в *установке на потребителя перевода*. Переводческое понимание – это диалог культур, языков, национальных дискурсов, институциональных форм общения: т.е. понимание с учетом менталитета, ценностных установок лингвокультуры, коммуникативной ситуации перевода (дискурса), а также специфики языкового кодирования мира и жанровых норм общения в культуре адресата перевода. Отмеченные аспекты лимитируют в сознании переводчика бездонный микромир слов («слово, если оно только не заведомая ложь, бездонно» и набирает глубину в индивидуальном сознании [7, с. 307]) и актуализируют такие важные для понимания характеристики языковых знаков как общезначимость, тождественность и повторимость в языках (оригинала и перевода), атрибутируемость к определенным речевым жанрам и формам в лингвокультурах.

Специфика диалогичности переводческого понимания как установки на потребителя перевода предопределяет позицию переводчика в качестве *Третьего* на коммуникативной оси, которая по мнению М. М. Бахтина «отождествляется с ‘объективной позицией’ как таковой, с позицией всякого ‘научного познания’» [7, с. 348]. Перевод есть именно тот частный случай отвлеченной мысли, профессиональная ситуация абстрагирования от «я и ты», когда, как отмечает М. М. Бахтин, «целостная и неповторимая личность человека не требуется», когда «человек так сказать, специализируется, выражая лишь оторванную от целого часть своей личности, где он выступает не как *я сам*, а ‘как инженер’, ‘как физик’ и т. п.», когда «человек вполне заменим» [Там же].

Соглашаясь далее с мнением М. М. Бахтина, что реальной единицей речевого общения является *высказывание*, можно утверждать, что именно высказывание выступает и единицей общекогнитивного явления понимания речи. Выделение в речи высказываний, отличное от формального членения текста, к примеру, на предложения, акцентирует значимость внеязыкового жанрового контекста для понимания. В отличие от предложения (единицы речи) высказывание (единица общения) не поддается грамматикализации и сохраняет «свою специфическую природу, принципиально отличную от

[природы] отношений между словами и предложениями (и иными языковыми единицами – словосочетаниями и т. п.) внутри высказывания» [7, с. 251].

Допуская актуальность высказывания (как единицы общения) также и для осуществления перевода, представляется принципиальным отметить значимость именно *грамматикализованного* пространства оригинального сообщения для переводческого понимания, что определяется дихотомией: грамматикализованная форма статична, тогда как высказывание динамично. Как справедливо отмечает современный авторитетный исследователь языковой личности профессионального переводчика А. Б. Бушев, «понимание прежде всего вершится в языке», и не понимающая чего-то в языке личность не сможет понять и всего остального [13, с. 5].

Важность лингвистического (грамматикализованного) контекста для переводчика аргументируется также и бесспорным признанием наличия в сознании профессионала межъязыковых для конкретной пары языков парадигм знаковых соответствий с позиции прагматики слов и семантики текстового окружения – своего рода межъязыкового архива переводчика. Этот архив обеспечивает восприятие и понимание элементов текста оригинала в плане тождественности языка – как конвенциональных и эквивалентных себе сигналов – при одновременном извлечении из межъязыкового архива переводчика иноязычных соответствий для структурирования текста перевода.

Тем самым, можно полагать, что каждый элемент речи текста оригинала воспринимается в процессе перевода в двух проекциях: а) в статике – в плане уяснения повторимости языка и межъязыковой соотнесенности (в грамматикализованном контексте) и б) в динамике – в плане осмысления неповторимости высказывания.

Не менее значимой особенностью понимания речи является допустимая качественная вариативность результата понимания, определяемая как спецификой более общей интегрирующей деятельности, так и организацией языкового сознания понимающей личности. Если при обучении чтению иноязычного текста в лингводидактике присутствуют понятия ознакомительного, изучающего и поискового чтения, то в переводоведении вопрос о *степени достаточности понимания оригинала* для успешного осуществления перевода и вовсе не рассматривается. При этом очевиден факт неравноуспешности понимания при переводе в зависимости от условий перевода (устный синхронный или последовательный перевод / письменный перевод) и коммуникативного жанра перевода (деловое общение, юридический, экономический перевод, перевод художественного текста).

Весьма категорично в отношении потенциальной возможности стопроцентно глубокого понимания и оптимального перевода выразился В. П. Зинченко: «Собственный опыт человека разумного свидетельствует о том, что полный перевод с языка значений на язык смыслов и с языка смыслов на язык значений невозможен» [5, с. 276]. Справедливость утверждения подтверждается фактом существования перевода как *вдвойне*

субъективного явления – дважды преломляемого через сознание переводчика-посредника в коммуникации.

Для установления диапазона вариативности качественного результата переводческого понимания предлагаем авторскую теорию уровней понимания, основанную на выделенных А. А. Смирновым критериях понимания: *точности, полноты и глубины* [14].

Предлагая рассматривать *точность* понимания как адекватную передачу прецизионной информации в тексте (буквенной: имена, названия, наименования; цифровой: даты, цифры, единицы величин и мер; позиционно-номинативной: номинаты и позицинаты), можно утверждать, что точность безотносительно к условиям перевода не имеет степеней свободы. Оценочное понятие «качественный перевод» приемлет только абсолютную точность понимания и транслирования прецизионных данных.

Оценивая *полноту* понимания через количественный показатель фиксации в переводе всего массива предметных значений текста оригинала: субъектов, объектов, явлений, их статических и динамических признаков, можно предположить некоторую допустимую вариативность полноты понимания в зависимости от формы перевода (письменный / устный). Достижимая в письменном переводе, абсолютная полнота понимания переводчиком оригинала не только не достижима в устном переводе, но и не рациональна, что и предопределяет наличие компрессии как ключевой стратегии синхронного перевода.

Можно утверждать, что *глубина* является ключевым критерием результативности понимания речи и допускает в рамках оценочного понятия «качественный перевод» определенный диапазон степеней проникновения в сущность понимаемого, при котором вскрываются все более разнообразные и существенные стороны явлений, устанавливаются не только их пространственные и временные отношения, но и каузальные связи. Очевидная неоднородность смысловой структуры самих переводимых текстов разных коммуникативных жанров, а также специфика условий перевода позволяют нам предложить ряд уровней понимания информации переводчиком в виде иерархично организованной структуры: *содержание текста, общий смысл, скрытый, глубинный*.

Работа переводчика-синхрониста в режиме реального времени включает пофазную рецепцию информации на языке оригинала и предопределяет понимание преимущественно на уровне *содержания текста* в силу сильной привязки к словесной формулировке и линейной последовательности. Понимание реализуется по принципу «знакового атомизма», в контексте грамматикализованных конвенциональных и эквивалентных себе форм – элементов, выступающих дискретными единицами понимания переводчика-синхрониста, к которым и подбираются языковые соответствия в режиме синхронного двуязычия.

Наиболее вероятным при переводе информационных текстов будет понимание оригинала на уровне *общего смысла*, требующее вскрытия общего

коммуникативного контекста (в частности, в случаях научно-технического, военного и медицинского переводов). Это не исключает необходимость проникновения на более глубокие пласты смысла (*скрытый смысл*) и выявления импликации при переводе публицистических, общественно-политических и экономических текстов, что вызвано активными процессами детерминологизации, метафоризации, максимализации воздействующего эффекта в современном политическом, экономическом и масс-медийном дискурсе.

Художественный перевод, налагающий сверхстрогие требования в отношении сохранения эстетического эффекта, авторского стиля, литературной традиции потребует от переводчика понимания *глубинного смысла* переводимого текста. Художественный текст, благодаря первичности функций эстетического воздействия и создания художественного образа [2, с. 94], предполагает глубокое осознание реципиентом-переводчиком стилистического своеобразия авторского повествования.

Установленная нами вариативность полноты и глубины переводческого понимания в зависимости от ситуативных условий и форм перевода (устный / письменный перевод), а также от функционально-коммуникативных и жанрово-стилистических видов перевода позволяет в перспективе предложить более четкую градацию переводческих компетенций, включающую элементы перцептивной готовности переводчика. Как отмечает в этой связи Л. Г. Федюченко, «понимание для переводчика – своеобразное мерило адекватности применения тех или иных способов перевода, что в дальнейшем влияет на его качество» [15, с. 272].

Таким образом, доминирующий в настоящее время ракурс видения процесса перевода, предлагаемый консервативно-авторитарной лингвистической теорией перевода, представляется лишенным объяснительного и конструктивного потенциала для вскрытия когнитивной сути технологии перевода и переводческого понимания, в частности. Только рассматриваемое с позиции когнитивной транслатологии и в комплементарном взаимодействии с общекогнитивным явлением понимания речи, переводческое понимание предстает как коммуникативно-самоценный результат интеллектуальных усилий и значимый этап перевода. В отличие от общепсихологического явления понимания речи – интерпретирующего, оценивающего, активно ответного, рефлексивного – переводческое понимание информативно значимо, но коммуникативно-нейтрально, нерефлексивно, однако реализуется как понимающая рефлексия, отвлечено от собственно «я» переводчика и опирается на объективное знание, детерминировано установкой на потребителя перевода и потому *условно* диалогично. Выявленный нами диапазон вариативности переводческого понимания по степени полноты и глубины освоения информационного пространства текста позволяет сформулировать понятие *перцептивной готовности переводчика* как комплекса дифференцированных согласно видам и формам перевода умений понимания, обеспечивающих рационально

достаточный в соответствии с условиями перевода уровень освоения содержания и смысла оригинала. Успешное осуществление первого этапа в переводческой деятельности – речевосприятия – во многом предопределяет результативность последующего этапа поиска коммуникативно равноценных средств для адекватной трансляции информации, а следовательно, обеспечивает эффективный переводческий диалог.

Литература

1. Рецкер, Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода: сб. ст. – М.: АПН РСФСР, 1950. – С. 156 – 183.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation / R. Jakobson // On Translation. – Cambridge: Harvard University Press, 1959. – P. 232 – 239.
4. Рехме, И. Н. К вопросу о когнитивной сущности понимания как этапа переводческого процесса / И. Н. Рехме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 1 (19). – С. 148 – 151.
5. Зинченко, В. П. Психологические основы педагогики: Учеб. пособие / В.П. Зинченко. – М.: Гардарики, 2002. – 431 с.
6. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.
7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества; сост. С. Г. Бочаров / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
8. Левинтов, А. Е. Понимающая рефлексия и рефлексивное понимание в процессе образования (на примере лингвистического образования) / А. Е. Левинтов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.redshift.com/~alevintov/2002/apr/pr.html>. – Дата доступа: 14.11.2014.
9. Эмерсон, К. Интервью / К. Эмерсон // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1994. – № 2. – С. 119 – 123.
10. Логинов, А. В. Адресант и адресат в диалогическом пространстве / А. В. Логинов // Вестник МГОУ. Русская филология. – 2009. – № 2. – С. 49 – 54.
11. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1997. – 172 с.
12. Кушникова, Л. В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушникова, М. С. Силантьева // Вестн. Перм. ун-та. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 71 – 75.
13. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика: монография / А. Б. Бушев. – Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. – 256 с.
14. Смирнов, А. А. Проблемы психологии памяти / А. А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966. – 420 с.

15. Федюченко, Л. Г. Понимание текста как составляющая профессиональной компетенции переводчика / Л. Г. Федюченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – С. 271–273.

The phenomenon of text understanding within translation process is presented in the article as a dialogue of languages, cultures and national discourses, which is performed in compliance with mentality, cultural values of an addressee of the translated text, communicative context of translation and the unique features of the language encoding. Unlike the general psychological vision of speech understanding, which is seen as a constructive, active, responsive and evaluative process, the understanding of the original text during translation is unbiased, excludes personal element and is determined by focusing on a consumer of translation.

Поступила в редакцию 28.11.14